

УДК 339.9(51)

М.А. Балашова*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация***Ю.С. Попова***Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация***А.А. Попова***Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

БУДУЩЕЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ ИЛИ ВНЕШНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. Современная мировая экономика в силу неоднозначности последствий ее ключевых трендов для экономик, находящихся на разных уровнях развития, несет в себе немало противоречий. Одним из них является результативность участия государств в международных структурах. В теории, диалог стран на различных международных площадках должен способствовать разрешению проблем развития их стран-участниц, собственно, ради чего эти структуры и создаются. Однако на практике оказывается, что эта идея работает далеко не всегда. В большинстве случаев максимальную полезность от участия в международных организациях получают страны лидеры глобализации, в то время как большинство развивающихся стран испытывают на себе, в лучшем случае, нейтральный, а в худшем – отрицательный эффект. В данном контексте не будет являться исключением и регион Центральной Азии, развитию которого никак не способствует участие соответствующих стран в международных структурах. Более того, экономическая ситуация в них усугубляется посредством использования «мягкой силы» ведущими мировыми державами, рассматривающими соответствующий регион в качестве не только поставщиков сырья, но и уникальных геоэкономических и геополитических территорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Мировая экономика, международные организации, страны Центральной Азии, внешнее управление, «мягкая сила».

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 27 января 2020 г.; дата принятия к печати 2 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

M.A. Balashova*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation***Yu.S. Popova***Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation***A.A. Popova***Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

THE FUTURE OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES: INTERGOVERNMENTAL DIALOGUE OR EXTERNAL MANAGEMENT

ABSTRACT. Today's world economy, due to the ambiguity of the consequences of its key trends for economies at different levels of development, carries many contradictions. One of them is the effectiveness of state participation in international structures. In theory, the dialogue of countries at various international forums should

© Балашова М.А., Попова Ю.С., Попова А.А., 2020

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

help solve the problems of development of their member countries, in fact, for which these structures are created. In practice, however, it turns out that this idea does not always work. In most cases, the leaders of globalization receive maximum benefit from participation in international organizations, while most developing countries experience neutral effects, at the best, and negative effects, at the worst. In this context, the Central Asian region will not be an exception, and its development is in no way facilitated by participation of the countries concerned in international structures. Moreover, their economic situation is aggravated by the use of «soft power» by the world's leading powers, which consider the region concerned not only as a supplier of raw materials but also as unique geo-economic and geopolitical territories.

KEYWORDS. World economy, world organizations, Central Asian countries; external management, «soft power».

ARTICLE INFO. Received January 27, 2020; accepted March 2, 2020; available online March 31, 2020.

Практика последних десятилетий приводит не мало примеров того, что современная мировая экономика представляет собой не просто совокупность отдельных национальных хозяйств, связанных системой международных экономических отношений, а площадку, на которой ведется диалог внутри отдельных надгосударственных структур, образуемых странами исходя из общности проблем политического, экономического, военного и другого характера. Те государства, которые не принимают участия в процессах интеграции и не имеют право голоса в международных организациях, естественно вынуждены снимать внутренние и внешние угрозы самостоятельно. Чаще всего это приводит к усугублению кризисной ситуации и экономической зависимости от якобы «протянувшего руку помощи» субъекта мировой экономики. Помогает ли это сотрудничество реальному решению проблем?

В теории и на практике к одной из самых значимых угроз национальной безопасности принято относить внешнюю военную агрессию. Для нивелирования соответствующих опасностей, начиная с периода окончания Первой мировой войны, страны стали объединять свои усилия в рамках военных структур: Лига Наций, Организация стран Варшавского договора (ОВД), отдельные подразделения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организация стран Североатлантического Альянса (НАТО), Организация Договора о Коллективной безопасности (ОДКБ), Специальный Комитет Организации Объединенных Наций (ООН) по борьбе с терроризмом, Щит полуострова, Есомог и др.

Государства, которые не являлись или в настоящее время не входят в состав соответствующих структур, помимо необходимости обеспечения национальной безопасности за счет исключительно собственных источников, подвергаются остальным международным сообществом особо тщательному контролю (и порицанию) в контексте наращивания своей военной индустрии. Очень активны в этом плане США, внимательно следящие за развитием военных программ в Северной Корее, КНР, Мьянме, Иране, Сирии и т.д. Исходя из официально провозглашенной американской доктрины «Согласованная безопасность», они дали себе право снимать кажущуюся им таковой военную угрозу на территории других суверенных государств по собственному усмотрению [1–5].

Полагаем, что желание США стать монополистом в области военной индустрии, в том числе, можно объяснить особой властью, которую всегда давало (и продолжает давать) оружие. В XXI в. она принимает особые формы, самая страшная из которых это — активное вмешательство в проведение макроэкономической политики других стран. В настоящее время американцы в качестве партнеров по диалогу серьезно рассматривают только площадку Совета Безопасности (СБ), где,

как минимум, еще у четырех стран есть соответствующие козыри, поэтому давление на них оказывается посредством иных рычагов.

Не менее важными надгосударственными площадками, созданными для стимулирования если не поступательного развития, то хотя бы экономического роста стран-участниц, являются международные торговые организации: Всемирная торговая организация (ВТО), Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК), Международный торговый центр (ЮНКТАД) и др. Благодаря членству в этих структурах, у стран появляется шанс на участие в международном торгово-экономическом обмене на условиях пусть и несовершенной, но все же конкурентной борьбы и партнерства, осуществляемого исходя из единых правил, регулирующих международную торговлю и инвестиции, а также процедур разрешения споров [6].

Особую роль в работе этих структур, а также в целом, в установлении приоритетов во внешнеторговой политике стран мира, играют сегодня США, КНР и страны Ближнего Востока. От решений последних в огромной степени зависят цены на нефть и, соответственно, успех развития как собственных, так и остальных сырьевых экономик. Китай, как ведущий мировой экспортер и страна, занимающая самые масштабные ниши на многих мировых товарных рынках, благодаря собственным сравнительным и конкурентным преимуществам, определяет шансы вхождения на них для новых игроков [7]. США, в силу наличия самого конкурентоспособного информационного сектора экономики, огромного аккумулированного, в том числе, благодаря системе грантов, инновационного потенциала и, самое главное — пока еще действующей системе плавающих валютных курсов, получают от международной торговой деятельности колоссальные прибыли и фактически определяют стратегию внешнеторговой политики остальных государств мира [8].

Специфическая роль в XXI в. закреплена за международными финансовыми структурами, такими как: Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), входящие в его состав Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международная финансовая корпорация (МФК), Международная ассоциация развития (МАР) и др. Она выражается в финансовой поддержке неконкурентоспособных экономик и контроле за финансовыми потоками в рамках международного сотрудничества. Однако и здесь, как и в предыдущих случаях, особая роль отводится США. Обладая наибольшей долей в уставном капитале МВФ и ВБ, они фактически установили контроль над принятием этими структурами решений исходя из собственных интересов.

Отдельного внимания заслуживают различные международные площадки, в рамках которых осуществляется сотрудничество стран с подобными культурами, религиями и традициями. К числу наиболее значимых из них принято относить: Исламский Банк Развития (ИБР), Организацию Исламского Сотрудничества (ОИС), Лигу арабских государств (ЛАГ), Всемирную исламскую лигу (ВИЛ) и др. Примечательным является то, что соответствующие структуры официально складываются несколько позже, нежели чем универсальные международные организации экономического, торгового, политического, военного и иного плана (хотя о необходимости их создания соответствующие страны начинают вести разговор еще с момента окончания Первой мировой войны¹). Полагаем, что это связано с поиском соответствующими государствами дополнительных резервов по обеспечению собственной национальной экономической безопасности.

В частности, известно, что наряду с представителями западной цивилизации, страны исламского мира в свое время стали членами таких экономических струк-

¹ Только в 1931 г. в Иерусалиме официально создается первая международная организация стран исламского мира — Конгресс исламского мира (КИМ).

тур, как ООН, МВФ, ВБ и т.д. Однако, исходя из имеющихся культурных и религиозных особенностей, они не могут (а, в ряде случаев и не хотят) полностью придерживаться унифицированных правил международных организаций. В связи с этим, данные государства создают дополнительные надгосударственные площадки для решения актуальных проблем исламского мира.

Что касается центральноазиатского региона, который образуют Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан, то в нем, как известно, преобладающей религией является ислам. Исходя из этого соответствующие страны во второй половине XX в. становятся членами таких структур, как ВИС, ИБР, ОИС и др., будучи уже на тот момент времени участниками других унифицированных международных организаций. Возникает вопрос: каковы причины и последствия данного шага?

Полагаем, что к числу причин по объединению стран Центральной Азии с другими представителями исламского мира следует отнести: единое культурное наследие, упрощающее диалог в контексте сотрудничества, «ценности, более древние и глубокие, чем у молодой американской модели» [9]; усиление внешних угроз над внутренними слабыми сторонами в эпоху глобализации; сохранение богатого ресурсного потенциала (является предметом интереса мировых лидеров, в частности КНР, ЕС, США и России²) (табл. 1); отсутствие значимых конкурентных преимуществ; относительно низкий уровень национальной конкурентоспособности (табл. 2).

Привел ли этот шаг к значимым последствиям?

² Так, например, США стремятся к обеспечению безопасности трубопроводных систем, проходящих на территории стран Центральной Азии, КНР — к гарантии собственного экономического присутствия в регионе посредством участия в разведке и добыче полезных ископаемых.

Таблица 1

*Сравнение состояния ресурсной стран-лидеров глобализации
и ведущих стран Центральной Азии**

Страна	Ресурсная база	Всего инвестиций, млрд долл.	Иностран-ные инве-стиции, млрд долл.	Доля иностран-ных инве-стиций
Казахстан	Минеральные и топливные ресурсы	26,0	24,3	93 %
Киргизия	Топливные ресурсы, полезные ископаемые, водные ресурсы	2,17	0,57	26 %
Таджикистан	Металл, уголь, водные ресурсы, сельскохозяйственные угодья	1,2	0,645	54 %
Узбекистан	Драгоценные металлы, топливные ресурсы, водные ресурсы	11,22	4,1	37 %
Туркменистан	Природный газ, нефть, минеральные ресурсы	8,9	1,985	22 %
США	Минеральные и топливные ресурсы, лесные ресурсы	10 100,0	258,39	3 %
КНР	Водные ресурсы, топливные ресурсы, гидроэлектрический потенциал	7 500,0	140,0	2 %
Россия	Топливные ресурсы, полезные ископаемые, водные ресурсы, минеральные ресурсы	280,29	8,785	3 %

* Составлено авторами по данным: Рейтинг стран и территорий по уровню прямых иностранных инвестиций. URL: <https://gtmarket.ru/research/foreign-direct-investment-index/info> (дата обращения (26.01.2020)).

Таблица 2

**Сравнение значений индекса глобальной конкурентоспособности ВЭФ
стран-лидеров и стран Центральной Азии***

Страна	Господствующая религия	Значение индекса глобальной конкурентоспособности			
		2010–2011		2018–2019	
		Место	Рейтинг	Место	Рейтинг
Сингапур	Буддизм (33,3 %); Христианство (18,3 %); Ислам (14,7 %)	3	5,48	1	84,8
США	Христианство: Протестанты (46,5 %); Католики (20,8 %)	4	5,43	2	83,7
Гонконг	Буддизм и даосизм, христианство, ислам	11	5,30	3	83,1
Нидерланды	Христианство: Католики (26,6 %); Протестанты (16,8 %)	8	5,30	4	82,4
Швейцария	Христианство: Католики (48 %); Протестанты (46 %)	1	5,63	5	82,3
ОАЭ	Ислам	25	4,89	25	75,0
Катар	Ислам	17	5,10	29	72,9
Саудовская Аравия	Ислам	21	4,95	36	70,0
Казахстан	Ислам	72	4,12	55	62,9
Азербайджан	Ислам	57	4,29	58	62,7
Киргизия	Ислам	121	3,49	96	54,0
Таджикистан	Ислам	116	3,53	104	52,4

* Составлено авторами по данным: Всемирный экономический форум. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report>.

Практика свидетельствует о том, что снять внешние угрозы и предотвратить потерю контроля за собственной ресурсной базой странам центральноазиатского региона, ни как членам унифицированных международных организаций, ни как членам исламских организаций, пока не удастся. В универсальных организациях, как было показано ранее, стратегические решения принимаются ограниченным количеством игроков (США, ЕС, частично КНР), которые, в первую очередь преследуют цели максимизации собственных полезностей, достижение которых зачастую идет в ущерб поступательного развития менее конкурентоспособных стран (в данном случае, стран Центральной Азии). Членство же в организациях, объединяющих страны исламского мира, в первую очередь упрощает диалог между соответствующими государствами и не является при этом панацеей при решении проблем экономического плана.

Таким образом, складывается такая ситуация, что принятые на уровне мирового сообщества «правила игры» в современной глобальной экономике, самостоятельными субъектами которой страны Центрально-азиатского региона стали после распада Союза Советских Социалистических республик (СССР), фактически не дают им шанса на диверсификацию национальной экономики ни самостоятельно, ни внутри международных структур, специально созданных для решения подобных проблем.

В частности, во времена СССР в Узбекистане выращивали порядка 6 млн т хлопка в год, причем его цена была обеспечена гарантией сбыта внутри республик Союза. После 1991 г. эта страна оказалась в условиях несовершенной конкуренции на мировом рынке, что, безусловно, явилось причиной дестабилизации ее экономики, не готовой к прямой зависимости основного экспортного товара от мировых цен. Как следствие — снижение уровня жизни населения, большая часть которого задействована именно в секторе сельского хозяйства (подобную ситуацию можно наблюдать и в других странах соответствующего региона, в частности в Таджикистане и Киргизии). Сегодня в Узбекистане наблюдается тяжелейшая экономическая ситуация: порядка 75 % производственных мощностей, которыми располагает страна просто заморожены.

Помощь международных структур, участниками которых являются соответствующие страны региона пока, к сожалению, слабо способствует изменению ситуации. Так, несмотря на разработанные и принятые такой структурой как ШОС международные соглашения и договоренности³, провозглашающие цели всеобщего развития экономик стран-участниц и регионального экономического сотрудничества, на практике реально происходит простое втягивание экономик стран Центральной Азии в орбиту экономических интересов Китая. Как свидетельствует статистика, участие центральноазиатских стран в программе центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), созданной Азиатским банком развития (АБР) еще в 1997 г., также слабо стимулирует развитие соответствующих процессов.

Экономическая ситуация в регионе значительно усугубляется тем, что, в силу возможностей и тенденций современной глобальной мировой экономики, совершенно незаметно для соответствующих стран, основными участниками реализации их внутри- и внешнеэкономической политики становятся внешние игроки. Они проявляют нескрываемый интерес к Центральной Азии, не только как к региону, богатому сырьем и сельскохозяйственными культурами, но и как к странам, наделенным уникальным геополитическим положением [9]. На севере они граничат с Россией. На юге примыкают к огромному исламскому миру. Это превращает регион (в географических и экономических терминах) в поле столкновения стратегических интересов (в политическом аспекте) внешних игроков, которые преследуя желание приращения собственных полезностей, отодвигают на второй план такие понятия как национальный суверенитет, национальная аутентичность, самобытность, гарантировать которые необходимо, хотя бы потому, что это — ключевые цели ООН.

Благодаря продуманной США и КНР политике использования «мягкой силы»⁴, «вхождения в экономику чужой страны на мягких лапах посредством грамотного использования информационных технологий», а также явно вялого, но, тем не менее существующего политического и экономического давления со стороны России, страны соответствующего блока постепенно движутся к потере своего национального суверенитета. В частности, несмотря на одни из самых высоких темпов прироста ВВП (6–7 % в год), значительного повышения уровня жизни в соответствующих странах не происходит (средний ВВП на душу населения составляет

³ Об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций от 14 сент. 2001 г. : Протокол к Меморандуму между правительствами государств-участников Шанхайской организации сотрудничества. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31030069.

⁴ Согласно определению, Дж. Ная, «мягкая сила» представляет собой концепцию построения международных отношений и деловых связей посредством использования различных ценностей, формирования симпатии и привлекательности в целях установления собственной власти [8].

порядка 6 000 долл.). Зависимость стран региона от иностранных инвестиций возрастает (табл. 3), миграционное сальдо остается отрицательным (табл. 4).

Фактически оказывается, что данные государства в разном масштабе и с разной успешностью вмешиваются в настоящее время в ход реализации макроэкономической политики стран соответствующего региона: США через систему создаваемых неправительственных организаций (НПО) и ВУЗов, предоставляющих дипломы, признаваемые в Штатах, КНР — посредством деятельности огромного количества отечественных финансовых структур; Россия — в рамках политических решений, принимаемых участниками Содружества Независимых государств (СНГ) и Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС).

Таблица 3

*Динамика объемов иностранных инвестиций, привлекаемых в страны Центральной Азии**

Страна	Объем иностранных инвестиций			
	2010 г.		2019 г.	
	Объем, млн долл.	Страна — донор	Объем, млн долл.	Страна — донор
Казахстан	72,33	Япония	24300,0	США
Киргизия	1,076	США	569,8	Нидерланды
Таджикистан	0,870	США	645,0	Китай
Узбекистан	3,64	США	4 100,0	Китай
Туркменистан	6,1	Япония	1 985,15	США и Китай

* Составлено авторами по данным: [Официальный сайт ЮНКТАД [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://unctad.org/en/Pages/Home.aspx> (26.01.2020)].

США реализуют свои интересы в регионе достаточно уверенно. Опыт их работы в сфере «информационного поля» колоссален: организация «бархатных революций» в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), революция «юрт» (цветных металлов) в Монголии, цветных революций на постсоветском пространстве, современные атаки в сторону РФ в мировых информационных сетях. Совсем недавно они начали активно проводить свои интересы в близко расположенной к региону Центральной Азии, стране, занимающей уникальное геополитическое и геоэкономическое положение — Армении⁵.

Уже сегодня, как известно, второе по величине посольство США в мире находится именно в Ереване⁶. В американских глазах эта страна представляется в качестве мощнейшего рычага для продвижения собственных национальных интересов. В этом контексте «мягкая сила», используемая ими на территории Республики охватывает если не все слои населения, как это предполагает данная концепция, то определенно многие. В частности, руководствуясь идеей о том, что власть меняется, а люди и их настрoй остаются, дипмиссия США уделяет большое внимание работе с национальными СМИ Армении, рассчитанными на широкую публику, а не на государственную элиту. Сотрудники посольства принимают активное участие во многих, даже мало значимых мероприятиях, проводимых в

⁵ Граничащие с ней страны: Грузия, Азербайджан, Иран, Турция. Ее ведущий партнер по экономическому и политическому диалогу — основной оппонент США на Евразийском поле — Россия.

⁶ Казалось бы, страна, не имеющая даже выхода к морю с населением всего в 3 млн чел. и отрицательной демографической динамикой, тем не менее является одной из важнейших площадок на территории Евразийского континента для обеспечения проведения внешней политики США.

Таблица 4

*Объемы и направление движения мигрантов в странах Центральной Азии**

Страна	Объем движения мигрантов			
	2010 г.		2019 г.	
	Объем, чел.	Страна	Объем, чел.	Страна
<i>Эмиграционные потоки</i>				
Казахстан	3 803 375	<i>Всего, в т.ч.:</i>	4 005 587	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	1 501	Западная Африка	2 069	Западная Африка
	25 258	Северная Африка и Западная Азия	27 340	Северная Африка и Западная Азия
	52 338	Центральная и Юж- ная Азия	48 860	Центральная и Юж- ная Азия
	1 315	Восточная и Юго-Восточная Азия	1 670	Восточная и Юго-Восточная Азия
	73	Латинская Америка и Карибские острова	100	Латинская Америка и Карибские острова
	1 190	Австралия и Океания	2 264	Австралия и Океания
	22 701	Северная Америка	44 409	Северная Америка
	2 820 460	Восточная Европа	2 873 581	Восточная Европа
	21 887	Северная Европа	21 611	Северная Европа
	34 440	Южная Европа	33 993	Южная Европа
	822 212	Западная Европа	949 690	Западная Европа
Киргизия	726 917	<i>Всего, в т.ч.:</i>	754 969	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	31	Южная Африка	59	Южная Африка
	7 170	Северная Африка и Западная Азия	7 899	Северная Африка и Западная Азия
	22 911	Центральная и Юж- ная Азия	3 180	Центральная и Юж- ная Азия
	1 524	Восточная и Юго-Восточная Азия	1 927	Восточная и Юго-Восточная Азия
	12	Латинская Америка и Карибские острова	21	Латинская Америка и Карибские острова
	360	Австралия и Океания	592	Австралия и Океания
	6 608	Северная Америка	9 762	Северная Америка
	613 275	Восточная Европа	624 826	Восточная Европа
	3 409	Северная Европа	4 073	Северная Европа
	2 030	Южная Европа	2 582	Южная Европа
	69 587	Западная Европа	80 048	Западная Европа

Продолжение табл. 4

Страна	Объем движения мигрантов			
	2010 г.		2019 г.	
	Объем, чел.	Страна	Объем, чел.	Страна
Таджикистан	584 770	<i>Всего, в т.ч.:</i>	597 959	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	3 223	Северная Африка и Западная Азия	348	Северная Африка и Западная Азия
	56 710	Центральная и Юж- ная Азия	36 222	Центральная и Юж- ная Азия
	12	Латинская Америка и Карибские острова	18	Латинская Америка и Карибские острова
	100	Австралия и Океания	169	Австралия и Океания
	4 881	Северная Америка	25 390	Северная Америка
	493 258	Восточная Европа	502 317	Восточная Европа
	2 106	Северная Европа	2 146	Северная Европа
	340	Южная Европа	430	Южная Европа
	24 140	Западная Европа	27 819	Западная Европа
Туркменистан	236 614	<i>Всего, в т.ч.:</i>	260 832	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	7 031	Северная Африка и Западная Азия	7 972	Северная Африка и Западная Азия
	8 319	Центральная и Юж- ная Азия	8 103	Центральная и Юж- ная Азия
	25	Латинская Америка и Карибские острова	36	Латинская Америка и Карибские острова
	90	Австралия и Океания	126	Австралия и Океания
	2 260	Северная Америка	20 989	Северная Америка
	210 688	Восточная Европа	214 404	Восточная Европа
	2 077	Северная Европа	2 042	Северная Европа
	379	Южная Европа	487	Южная Европа
	5 745	Западная Европа	6 673	Западная Европа
Узбекистан	1 880 557	<i>Всего, в т.ч.:</i>	1 979 523	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	49 319	Северная Африка и Западная Азия	52 906	Северная Африка и Западная Азия
	352 059	Центральная и Юж- ная Азия	378 206	Центральная и Юж- ная Азия
	19 326	Восточная и Юго-Восточная Азия	24 444	Восточная и Юго-Восточная Азия
	39	Латинская Америка и Карибские острова	56	Латинская Америка и Карибские острова
	1 300	Австралия и Океания	2 147	Австралия и Океания
	34 706	Северная Америка	66 188	Северная Америка
	1 363 774	Восточная Европа	1 388 126	Восточная Европа
	9 276	Северная Европа	11 800	Северная Европа
	12 655	Южная Европа	12 515	Южная Европа
	38 103	Западная Европа	43 135	Западная Европа

Продолжение табл. 4

Страна	Объем движения мигрантов			
	2010 г.		2019 г.	
	Объем, чел.	Страна	Объем, чел.	Страна
<i>Иммиграционные потоки</i>				
Казахстан	3 343 937	<i>Всего, в т.ч.:</i>	3 705 556	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	8 597	Армения	9 555	Армения
	45 483	Азербайджан	50 552	Азербайджан
	65 001	Белоруссия	72 245	Белоруссия
	2 033	Китай	2 259	Китай
	57 916	Северная Корея	64 370	Северная Корея
	1 046	Эстония	1 163	Эстония
	3 079	Грузия	3 422	Грузия
	6 631	Киргизия	7 036	Киргизия
	1 046	Латвия	1 163	Латвия
	4 124	Литва	4 583	Литва
	30 077	Южная Корея	33 351	Южная Корея
	11 337	Молдавия	12 589	Молдавия
	2 211 875	Россия	2 458 414	Россия
	14 870	Таджикистан	16 527	Таджикистан
	4 489	Турция	49 003	Турция
	987	Туркменистан	1 097	Туркменистан
	317 803	Украина	353 225	Украина
	264 862	Узбекистан	294 395	Узбекистан
Киргизия	232 065	<i>Всего, в т.ч.:</i>	200 260	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	2 702	Армения	2 331	Армения
	5 311	Азербайджан	4 583	Азербайджан
	11 293	Белоруссия	9 746	Белоруссия
	308	Китай	265	Китай
	2 017	КНДР	1 741	КНДР
	651	Эстония	561	Эстония
	132	Финляндия	113	Финляндия
	3 711	Грузия	3 204	Грузия
	2 066	Германия	1 783	Германия
	14 692	Казахстан	12 679	Казахстан
	1 024	Латвия	883	Латвия
	3 008	Литва	2 595	Литва
	3 647	Польша	3 147	Польша
	265	Южная Корея	228	Южная Корея
	3 020	Молдавия	2 606	Молдавия
	547	Румыния	442	Румыния
	126 897	Россия	109 511	Россия
	2 503	Таджикистан	2 160	Таджикистан
	1 193	Турция	1 029	Турция
	1 136	Туркменистан	980	Туркменистан
	30 395	Украина	26 231	Украина
	10 426	Узбекистан	8 997	Узбекистан
	122	Вьетнам	104	Вьетнам

Продолжение табл. 4

Страна	Объем движения мигрантов			
	2010 г.		2019 г.	
	Объем, чел.	Страна	Объем, чел.	Страна
Таджикистан	279 808	<i>Всего, в т.ч.:</i>	274 061	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	12 606	Афганистан	12 346	Афганистан
	132	Алжир	128	Алжир
	198	Армения	193	Армения
	65	Австрия	62	Австрия
	172	Азербайджан	168	Азербайджан
	692	Белоруссия	677	Белоруссия
	24	Бруней	22	Бруней
	50	Нормандские острова	48	Нормандские острова
	49	Китай	47	Китай
	158	КНДР	154	КНДР
	133	Дания	129	Дания
	676	Грузия	661	Грузия
	136	Германия	132	Германия
	628	Индия	614	Индия
	1 218	Иран	1 192	Иран
	64	Ирак	61	Ирак
	854	Казахстан	835	Казахстан
	11 495	Киргизия	11 261	Киргизия
	51	Нидерланды	49	Нидерланды
	111	Новая Зеландия	108	Новая Зеландия
	23	Нигер	21	Нигер
	37	Оман	35	Оман
	107	Пакистан	104	Пакистан
	38	Польша	36	Польша
	801	Молдавия	784	Молдавия
	238 142	Россия	233 297	Россия
	53	Швейцария	51	Швейцария
	790	Турция	773	Турция
	454	Туркменистан	444	Туркменистан
	1 230	Украина	1 204	Украина
	320	Великобритания	312	Великобритания
	279	США	272	США
	7 669	Узбекистан	7 510	Узбекистан
	24	Замбия	22	Замбия

Окончание табл. 4

Страна	Объем движения мигрантов			
	2010 г.		2019 г.	
	Объем, чел.	Страна	Объем, чел.	Страна
Туркменистан	197 979	<i>Всего, в т.ч.:</i>	195127	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	345	Афганистан	216	Афганистан
	7 172	Армения	7 067	Армения
	7 515	Азербайджан	7 605	Азербайджан
	2 076	Белоруссия	2 045	Белоруссия
	997	Германия	1 031	Германия
	1 718	Иран	1 891	Иран
	19 806	Казахстан	2 016	Казахстан
	75 405	Россия	74 675	Россия
	3 401	Таджикистан	1 468	Таджикистан
	8 078	Украина	7 961	Украина
	67 903	Узбекистан	67 075	Узбекистан
Узбекистан	1 220 149	<i>Всего, в т.ч.:</i>	1 168 384	<i>Всего, в т.ч.:</i>
	6 291	Армения	5 857	Армения
	21 360	Азербайджан	20 313	Азербайджан
	27 674	Белоруссия	26 475	Белоруссия
	8 998	Германия	8 591	Германия
	14 700	Казахстан	13 165	Казахстан
	5 085	Киргизия	4 883	Киргизия
	913 652	Россия	875 804	Россия
	11 945	Таджикистан	11 471	Таджикистан
	792	Туркменистан	761	Туркменистан

* Составлено авторами по данным: International migrant stock 2019. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (дата обращения 26.01.2020).

этой стране, играя роль не приглашенных гостей, а наоборот, самых активных участников, формируя среди местного населения образ «единения двух наций» и располагая простых армян к убеждению в реальность осуществления «американской мечты».

Для России, Армения также является стратегически значимым партнером, как в рамках ЕАЭС, так и политического диалога внутри СНГ. Однако она представляет и лоббирует свои интересы в этой стране совершенно с иным напором и по иному сценарию. Так называемая «мягкая сила», осуществляемая российскими структурами в этой стране Передней Азии основывается на общем историческом прошлом и ориентирована, в первую очередь, на высшие слои армянского общества. В частности, при поддержке российской стороны чаще всего организуются различного рода культурные мероприятия, такие, например, как вечера поэзии, симфонические концерты, круглые столы и т.п. Работа же с армянскими СМИ практически не ведется. Это особо диссонирует с активностью американской стороны в данном секторе. В частности, поддерживаемое США одно из наиболее авторитетных национальных информационных агентств Республики — «Новости-Армения», на постоянной основе транслирует истории, например, об американских военных, которые своими силами и руками реконструировали дом престарелых в Ереване; консуле, который вместе с простыми работягами по вечерам смотрит

футбол в пабе и т.д., при этом сохраняя многозначительное молчание в отношении работы российской дипмиссии в Армении, за редким исключением рассказывая читателю о тех же самых вечерах поэзии. Результаты этих двух вариантов проникновения в информационное поле Республики очевидны — полная узнаваемость и принятие местным населением позиции США и малая заинтересованность в возможной российско-армянской общности, схожих проблемах, партнерстве двух стран, сотрудничестве в сфере внешнеэкономической безопасности⁷ и пр.

Что касается непосредственно региона Центральной Азии, то считаем важным отметить, что из названной выше тройки внешних участников макроэкономической политики, реализуемой соответствующими странами, наибольшую активность в настоящее время проявляют американцы. Фактически сразу после распада СССР они оценили геополитический и геоэкономический потенциалы блока и начали аккуратно и постепенно проникать в его жизнь. Сегодня они реализуют стратегию создания предложения на услуги высшей ступени образования. В 1993 г. ими был основан Американский университет Центральной Азии, ставший первым ВУЗом в регионе, предоставляющим дипломы, аккредитованные США. Позднее, в 2010 г., подобный проект был реализован и в Казахстане — «Назарбаев-Университет». Таким путем в странах Центральной Азии, силами США, вырастает молодежь, которая испытывает лояльность и даже симпатию к американской идеологии построения экономики, осуществлению политики и в целом к понятию «демократия по-американски».

Китай, в целях реализации собственных национальных интересов, заходит в регион реализуя одновременно две инициативы:

- очевидная экономическая интервенция в страны Центральной Азии, организуемая путем активного инвестирования в ресурсный потенциал;
- использование «мягкой силы» в работе китайских структур с информационным сектором блока, а также разработка различных культурно-образовательных проектов, которые в настоящее время находят поддержку среди широких слоев населения соответствующих стран и способствуют эволюции некогда антикитайских настроений, в положительную сторону [9,10].

В частности, известно, что КНР активно осваивает ресурсную базу стран региона посредством деятельности собственных транснациональных компаний (ТНК). Две ее крупнейшие энергетические, нефтегазовые компании очень активны в настоящее время на рынках стран Центральной Азии. China National Petroleum Corporation (CNPC) в числе прочих имеет производственные мощности в Казахстане (в 2006 г. она приобрела долю в зарегистрированной в Канаде компании PetroKazakhstan) и Туркмении (в 2007 г. она стала оператором туркменского проекта Багтыярлык). Учитывая тот факт, что индекс транснационализации CNPC составляет всего лишь 3,4 %, можно утверждать, что добываемые в соответствующих странах углеводороды перерабатываются не в принимающих странах, а направляются в страну базирования, т.е. в Китай. Вторая по объемам добычи нефтегазовая компания КНР — China Petroleum & Chemical Corporation по данным на 2015 г. реализовывала порядка 50 проектов по разведке и освоению нефти и газа в 26 странах мира, в том числе в Центральной Азии. Ее индекс транснационализации также очень невысок — 12,9 %.

⁷ Расстояние от иракско-турецкой до армяно-турецкой границы составляет всего 320 км. При том что последнюю охраняют российские погранвойска, сложная и достаточно неоднозначная ситуация, разворачивающаяся сегодня прямо на наших глазах на территории стран Ближнего Востока, на самом деле происходит намного ближе к нам, чем кажется. В этой связи вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности и собственных геополитических интересов в регионе, приобретают особенную актуальность.

В свою очередь, Россия, которая должна подходить к Центральной Азии не только как к партнерам по СНГ и ЕАЭС [11], но и как к уникальной площадке (межцивилизационному мостику между Западом и Востоком), на которой можно строить диалог с арабскими странами, реализует свои интересы в этом регионе уже описанным ранее шаблонным способом через ориентацию на политическую элиту и высшие слои общества. При этом, безусловно, есть проекты, рассчитанные на широкие слои населения, однако их эффективность очень низка [12].

Важно понимать, что центральноазиатский регион действительно является уникальным и представляет собой зону российских национальных интересов. Необходимо, уважая Восток, понимая Восток, научиться с ним говорить, наладить взаимодействие и сотрудничество, хотя бы потому, что:

- Россия и страны Центральной Азии это — действующие экономические партнеры по интеграции, которая не развивается, и только от собственных решений и проводимых реформ должно зависеть будущее наших стран;

- Россия и страны Центральной Азии могут образовать весомую коалицию в противостоянии в современном геоэкономическом и геополитическом пространствах между США + ЕС и Азия + Россия;

- совместно мы можем способствовать решению одной из глобальных проблем современности — терроризму, которая, в том числе, исходит в настоящее время и от стран Ближнего Востока. То, что происходит сейчас на Ближнем Востоке действительно близко к нам. Те организации, которые там работают, действительно угрожают нашей безопасности. Ко всему происходящему следует относиться предельно серьезно, а свою работу там проводить в соответствии с требованиями сегодняшнего дня.

Таким образом, подводя итоги, отметим главное — использование в XXI в. «мягкой силы» является не просто актуальным методом проведения внешней политики государства, а по своей эффективности, при грамотном осуществлении, превосходит все остальные, в частности, объединение усилий стран в решении глобальных проблем в рамках деятельности международных организаций. Это означает, что данным методом надо научиться владеть в совершенстве и активно использовать его как информационную, так и инвестиционную составляющие в странах и регионах, представляющих интерес в плане как собственного национального развития, так и углубления межстранового сотрудничества, основанного на уважении культурной самобытности. России необходимо разработать механизмы осуществления данной концепции опираясь не на то, что Центральная Азия это — постсоветское пространство, а на то, что каждая из соответствующих стран имеет собственную национальную аутентичность, заинтересована в ее сохранении и Россия, понимая это, готова способствовать достижению этой цели.

Список использованной литературы

1. Суховой Д.А. Использование силы: дискуссия в американских политических кругах / Д.А. Суховой // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2012. — № 1. — С. 120–125.
2. Bolton J. Irresponsible: Against a 'Responsibility to Protect' / J. Bolton // Foreign Affairs. — 2011. — 1 Apr. URL: <https://www.aei.org/articles/irresponsible-against-a-responsibility-to-protect-in-foreign-affairs/>.
3. Campbell K. Managing Foreign Policy and National Security Challenges in Presidential Transitions / K. Campbell, J. Steinberg // Washington Quarterly. — 2008. — Vol. 31, no. 4. — P. 7–20.
4. Greenwald A. The Soft Power Fallacy / A. Greenwald // Commentary Policy. — 2010. — 7 Oct. — URL: <http://hnn.us/roundup/entries/129328.html>.

5. Haass R. State Sovereignty must be Altered in Globalized Era / R. Haass // *Taipei Times*. 2006. — 21 Feb. — P. 9. — URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2006/02/21/2003294021/2>.

6. Чепинога О.А. Внешняя торговля России в современных условиях / О.А. Чепинога. — DOI : 10.17150/2411-6262.2015.6(5).20 // *Baikal Research Journal*. — 2015. — Т. 6, № 5. — URL: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=20381>.

7. Цвигун И.В. Формирование китайских транснациональных корпораций на основе государственной стратегии «выхода за границу» / И.В. Цвигун, Мэн Дэмин. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — 148 с.

8. Солодков М.В. Проблемы и перспективы развития деятельности транснациональных корпораций США в мировой экономике / М.В. Солодков, А.О. Ульянов // *Известия Иркутской государственной академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. — 2012. — № 4. — URL: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=13852>.

9. Новые тенденции деглобализации в современной международной экономике: 2014–2016 гг. / И.Е. Козырская, Ю.В. Кузьмин, Т.П. Добровольская, Н.Р. Эпова // *Восьмые востоковедные чтения БГУ : сб. науч. тр. / под ред. Ю.В. Кузьмина*. — Иркутск, 2017. — С. 65–73.

10. Шалак А.В. Китайская мечта через концепцию «мягкой силы» / А.В. Шалак // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. — 2015. — Т. 25, № 3. — С. 564–568. — DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(3).564-568.

11. Самаруха В.И. К вопросу об экономическом развитии ЕАЭС / В.И. Самаруха // *Актуальные проблемы развития ЕАЭС в условиях современных глобальных изменений : материалы 1-й Всерос. (национ.) науч.-практ. конф., Иркутск, 13 дек. 2018 г. / под ред. И.В. Цвигун, В.С. Колодина*. — Иркутск, 2019. — С. 189–195.

12. Вологина В.Э. Перспективы развития Евразийского Экономического Союза / В.Э. Вологина, С.Н. Короткова // *Актуальные проблемы развития ЕАЭС в условиях современных глобальных изменений : материалы 1-й Всерос. (национ.) науч.-практ. конф., Иркутск, 13 дек. 2018 г. / под ред. И.В. Цвигун, В.С. Колодина*. — Иркутск, 2019. — С. 30–34.

References

1. Sukhovey D.A. The Use of Military Force: an issue of Discussion among the American Politicians. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i Dal'nem Vostoke = Humanities Research in the Russian Far East*, 2012, no. 1, pp. 120–125. (In Russian).

2. Bolton J. Irresponsible: Against a 'Responsibility to Protect. *Foreign Affairs*, 2011, 1 April. Available at: <https://www.aei.org/articles/irresponsible-against-a-responsibility-to-protect-in-foreign-affairs/>.

3. Campbell K., Steinberg J. Managing Foreign Policy and National Security Challenges in Presidential Transitions. *Washington Quarterly*, 2008, vol. 31, no. 4, pp. 7–20.

4. Greenwald A. The Soft Power Fallacy. *Commentary Policy*, 2010, 7 October. Available at: <http://hnn.us/roundup/entries/129328.html>.

5. Haass R. State Sovereignty must be Altered in Globalized Era. *Taipei Times*, 2006, 21 February, pp. 9. Available at: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2006/02/21/2003294021/2>.

6. Chepinoga O.A. Russia's Foreign Trade in Modern Conditions. *Baikal Research Journal*, 2015, vol. 6, no. 5. DOI : 10.17150/2411-6262.2015.6(5).20. Available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=20381>. (In Russian).

7. Tsvigun I.V., Men Demin. *Formirovanie kitaiskikh transnatsional'nykh korporatsii na osnove gosudarstvennoy strategii «vykhoda za granitsu»* [Development of Chinese Transnational Corporations on the Basis of State Strategy «Outflow over the Border», Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2010. 148 p.

8. Solodkov M.V., Ulyanov A.O. Problems and Prospects of Development of us Transnational Corporations in the World Economy. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2012, no. 4. Available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=13852>. (In Russian).

9. Kozyrskaya I.E., Kuzmin Yu.V., Dobrovolskaya T.P., Epova N.R. New Deglobalization Tendencies in the Modern International Economy: 2014-2016. In Kuzmin Yu.V. (ed.). *Vos'mye vostokovednye chteniya BGU* [The 8th Oriental Readings in BSU]. Irkutsk, 2017, pp. 65–73. (In Russian).

10. Shalak A. V. The Chinese Dream Through the Concept of «Soft Power». *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2015, vol. 25, no. 3, pp. 564–568. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(3).564-568. (In Russian).

11. Samarukha V.I. To the Question of Economic Development of the EAEC. In Tsvigun I.V., Kolodin V.S. (eds). *Aktual'nye problemy razvitiya EAES v usloviyakh global'nykh izmenenii. Materialy 1-i Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 13 dekabrya 2018 g.* [Current Issues of the EEU in the Conditions of the Modern Global Changes. Materials of the I All-Russian Research Conference, Irkutsk, December 13, 2018]. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2019, pp. 189–195. (In Russian).

12. Vologina V.E., Korotkova S.N. Development Prospects of the Eurasian Economic Union. In Tsvigun I.V., Kolodin V.S. (eds). *Aktual'nye problemy razvitiya EAES v usloviyakh global'nykh izmenenii. Materialy 1-i Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 13 dekabrya 2018 g.* [Current Issues of the EEU in the Conditions of the Modern Global Changes. Materials of the I All-Russian Research Conference, Irkutsk, December 13, 2018]. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2019, pp. 30–34. (In Russian).

Информация об авторах

Балашова Мария Александровна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, г. Иркутск, e-mail: mabalashova@mail.ru.

Попова Юлия Сергеевна — магистрант, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, г. Иркутск, e-mail: julsopova@yandex.ru.

Попова Анна Александровна — магистрант, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, г. Иркутск, e-mail: miss.popova1997@yandex.ru.

Authors

Maria A. Balashova — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Chair of World Economy and Economic Security, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mabalashova@mail.ru.

Yulia S. Popova — Master's Degree Student, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: julsopova@yandex.ru.

Anna A. Popova — Master's Degree Student, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: miss.popova1997@yandex.ru.

Для цитирования

Балашова М.А. Будущее стран Центральной Азии: межправительственный диалог или внешнее управление / М.А. Балашова, Ю.С. Попова, А.А. Попова. — DOI: 10.17150/2411-6262.20.11(1).3 // Baikal Research Journal. — 2020. — Т. 11, № 1.

For Citation

Balashova M.A., Popova Yu.S., Popova A.A. The Future of Central Asian Countries: Intergovernmental Dialogue or External Management. *Baikal Research Journal*, 2020, vol. 11, no. 1. DOI: 10.17150/2411-6262.20.11(1).3. (In Russian).